

Научная статья
УДК 821.161.1"18"
doi: 10.17223/24099554/17/11

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС (НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИМПЕРСКОЕ) В РЕЦЕПЦИИ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО

Елена Владимировна Александрова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, alexandrova.aulena@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль Е.П. Ковалевского, известного путешественника, общественного деятеля, писателя, в решении славянского вопроса, проявившегося в его дипломатической деятельности и выраженного в художественном творчестве. Обосновывается миссия Ковалевского в изучении, пропагандировании славянского вопроса в борьбе за независимость христиан от притеснения Османской империи. Прослеживается его влияние на отражение славянской проблемы в творчестве писателей второй половины XIX в.

Ключевые слова: Е.П. Ковалевский, славянский вопрос, художественное своеобразие очерков, русская литература, проблема народа, «Четыре месяца в Черногории»

Для цитирования: Александрова Е.В. Славянский вопрос (национальное и имперское) в рецепции Е.П. Ковалевского // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 216–236. doi: 10.17223/24099554/17/11

Original article

doi: 10.17223/24099554/17/11

THE SLAVIC QUESTION (THE NATIONAL AND THE IMPERIAL) IN THE RECEPTION OF EGOR KOVALEVSKY

Elena V. Aleksandrova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
alexandrova.aulena@yandex.ru*

Abstract. Since the end of the 18th century, the so-called “Eastern question” has become one of the key issues in international relations of Eastern European countries and in the Middle East. The “Eastern question” for most Russians was primarily a “Slavic” question. The progressive part of Russia considered the development of the national liberation movement of the Balkan peoples from Turkish enslavement as the most important moral support of Russia’s foreign policy. The participation of writers in the coverage of the Slavic question made the political situation nationwide. One of these writers, who consistently defended the interests of the Slavic peoples in the fight against their oppression by Turkey for many years, was Egor Petrovich Kovalevsky. This article explores Kovalevsky’s role in solving the Slavic question. This role was manifested in his diplomatic activities and expressed in his writings, as well as his influence on the reflection of the Slavic problem in works of writers of the second half of the 19th century. The main result of Kovalevsky’s stay in the Balkans was his literary works. The essays *Four Months in Montenegro* (1841), which earned him the fame of a “Montenegro Columbus”, introduced Kovalevsky as a writer to readers. Interest in the life-style and socio-historical structure of the “Slav brothers” was also reflected in the 3rd and 4th parts of *The Wanderer by Land and Sea*: “The Carpathians” (1845), “The Lower Danube and the Balkans” (1849). “The Life and Death of the Last Ruler of Montenegro, and the Events That Followed” (1854), “Travel Notes on the Slavic Lands” (1859), “An Episode From the War of Montenegrins with Austrians” (1864) – all these works are interesting not only from the point of view of the Slavic question and its influence on the socio-political thought in Russia, but also from an artistic point of view. The main problem that Kovalevsky raises in his works is the problem of the nation. The national identity of Montenegrins is shown in their struggle for independence against the Turkish yoke. Defending their right to the Orthodox faith, they heroically fight with all those who encroach on their freedom. *Four Months in Montenegro* is the first work in the cycle about the Slavic lands that raises these ques-

tions. Episodes of the historical confrontation between Turkey and Montenegro – Christians and Muslims – run through the entire work. In Kovalevsky's narrative, imbued with both realistic details of Montenegrins' life and customs description in the spirit of the "natural school", and a romantic perception of their way of life, the reader gets acquainted with the customs of the Asian tribe. Kovalevsky's book *Four Months in Montenegro* increased interest in the Slavic question and brought it closer to the progressive circles of society. Appointment as director of the Asian Department allowed Kovalevsky to consistently pursue a policy that meets the interests of the Slavic world. Kovalevsky's works had a direct and indirect influence on Russian writers both in terms of content and form.

Keywords: Egor Kovalevsky, Slavic question, artistic originality of essays, Russian literature, problem of nation, *Four Months in Montenegro*

For citation: Aleksandrova, E.V. (2022) The Slavic Question (The National and the Imperial) in the Reception of Egor Kovalevsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 17. pp. 216–236. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/17/11

С конца XVIII в. так называемый восточный вопрос стал одним из ключевых в международных отношениях государств Восточной Европы и на Ближнем Востоке. Экономическое значение для России имело укрепление ее влияния на Балканах и отношения с Османской империей. Вместе с тем «восточный вопрос» для большинства россиян был прежде всего вопросом «славянским». Развитие национально-освободительного движения балканских народов от турецкого порабощения рассматривалось прогрессивной частью России как важнейшая нравственная опора ее внешней политики. Участие литераторов в освещении славянского вопроса сделало политическую ситуацию общенародной. Одним из таких писателей, последовательно, на протяжении многих лет отстаивавших интересы славянских народов в борьбе против их притеснений Турцией, был Егор Петрович Ковалевский.

Характеристика этого разностороннего человека включает достижения в разных предметных областях – известный путешественник, географ, геолог, дипломат, сенатор, общественный деятель и, наконец, писатель. Наиболее полно о биографии, его научных достижениях и путешествиях можно прочитать в работах Б.А. Вальской «Путешествия Е.П. Ковалевского» 1956 г. [1] и В.Л. Виленкина

«Странствователь по суше и морям» (Егор Петрович Ковалевский) 1969 г. [2]. Современное литературоведение рассматривает творчество писателя в основном в рамках травелога [3. С. 10–24]. Предметом данной статьи является исследование роли Е.П. Ковалевского в решении славянского вопроса, проявившегося в его дипломатической деятельности и выраженного в художественном творчестве, а также его влияние на отражение славянской проблемы в творчестве писателей второй половины XIX в.

В 30-е гг. XIX в. вследствие активизации политики западных держав позиции России на Балканах ослабли в Сербии, в Греции и Дунайских княжествах. Укреплению позиций России на Балканах могла способствовать «прорусски настроенная Черногория» [4. С. 110]. Еще со времен Петра I, когда черногорцы откликнулись на призыв русского царя к балканским народам выступить против Османской империи (1711 г., Прутский поход), дружеские отношения с Россией развивались и крепились. Черногория противостояла «наполеоновской агрессии на Адриатике» и в Восточном средиземноморье в начале XIX в. При этом русское правительство, рассматривая Черногорию как ценного союзника и покровительствуя ей, «официально не облекает в международно-правовую форму» [5. С. 4] русско-черногорские отношения, чего на протяжении XVIII–XIX вв. неоднократно будет добиваться черногорское руководство. Просьбы правителя-реформатора и митрополита Петра II Петровича Негоша (1830–1851) об официальном покровительстве Черногории не соответствовали имперской политике России в тот период¹. Но во избежание опасности выхода Черногории из-под контроля России, русский двор принял решение оказать дружественной стране финансовую помощь. Решение направить в малоизвестную во всех отношениях страну для геологических изысканий офицера корпуса горных инженеров Е.П. Ковалевского стало для него судьбоносным.

¹ После заключения Ункяр-Искелесийского договора о мире и дружбе с Турцией (1833 г.) Негошу настоятельно советовали (в МИДе и во время аудиенции с Николаем I) «жить дружелюбно как с пограничным австрийским правительством, так и с турками, окружающими Черную Гору, потому что его императорское величество находится с обеими императорами в братском союзе» [4. С. 110].

«В дальнейшем вся жизнь этого талантливого военного специалиста, дипломата, ученого и писателя так или иначе будет связана с Черногорией, о которой он никогда не забывал и многое делал для нее на всех постах служебной карьеры, венцом которой станет должность Азиатского департамента МИДа» [4. С. 222].

Первый раз Ковалевский пробыл в Черногории с конца мая по конец сентября 1838 г. Его заслуги перед страной отражены в документах и воспоминаниях современников, открытия в области географии и геологии описаны в научных журналах¹. Его участие в урегулировании австро-черногорского конфликта стало началом дипломатической карьеры и описано в учебниках по дипломатии². Но еще одна миссия Ковалевского заключалась в последовательном, на протяжении многих лет изучении и пропагандировании славянского вопроса в борьбе за независимость христиан от притеснения Османской империи.

В документе «Записка о Черногории», представленном в МИД после возвращения в Россию, говорится о славянском населении: «Число окрестных христиан православного исповедания <...> простирается до 1 100 000 (до 150 тыс. оруженосцев), и внимание всех обращено на Черногорию. <...>. Черногория может истерзать сама себя, если покровительство России не будет над нею бдительным провидением, которое может изготовить блестящую участь для этого народа, сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно» [5. С. 494]. Внимание Ковалевского привлекла и античерногорская политика Австрии и Турции, которые способствовали вооруженным конфликтам и разжиганию озлобления против себя и западных стран. Понимал это и Петр II Негош, высказав пожелание,

¹ П.Г. Дивов написал об отзыве Е.П. Ковалевского из Черногории от 4 октября 1838 г.: «...им открыты месторождения железных руд, признаки медных, бурого каменного угля и лигнита и собраны материалы для составления геологического описания Черногории – страны малоизвестной в сем отношении ученому свету. Между тем возникшие у черногорцев с турецкими и австрийскими подданными ссоры, доходящие до настоящих сражений, в которых со стороны Австрии приняли даже регулярные войска, лишили капитана Ковалевского всякой возможности продолжать розыскания» [5. С. 478].

² См. работы Н.И. Хитровой [6. С. 116–119], Ю.П. Аншакова [4. С. 222–229, 277–280].

чтобы в Черногории постоянно «под каким бы ни было предлогом» находился русский представитель, и тогда окружающие страну славянские народы видели бы в этом «залог взаимного внимания российского правительства» к нуждам славян» [4. С. 227].

Ковалевский вынужден был покинуть Черногорию вследствие пограничного конфликта черногорцев с австрийцами. Его несанкционированное участие на стороне черногорцев и вмешательство во внутренние дела суверенного государства вызвали гнев австрийского правительства. Западная пресса называла Ковалевского «российским агентом». Но зато в глазах черногорцев Ковалевский навсегда остался национальным героем и стал «истинно русским офицером», всегда стоящим на защите черногорцев¹. Высоко оценил поступок Ковалевского и владыка. В письме от 1 августа 1838 г. о вторжении австрийских войск на территорию Черногории Петр II Петрович Негош писал из Цетина К.В. Нессельроде: «Таким образом неприятное положение Черногории устранено благоразумием и самоотвержением, с которыми действовал капитан Ковалевский...» [5. С. 471]. Официально русское правительство не могло оправдать Ковалевского, но известно, что на докладной записке, в которой Егор Петрович подробно объясняет свои действия, Николай I поставил помету: «Le capitaine Kowalewsky a agi vrai russe» (Капитан Ковалевский действовал как настоящий русский) [6. С. 118–119].

Деятельность Ковалевского в качестве дипломата, последовательно решающего славянские вопросы, будет продолжаться и в дальнейшем. В первой половине 1850-х гг. он трижды посещает Черногорию.

В 1851 г. после смерти владыки в Черногории возникли разногласия по поводу преемника умершего. Для разрешения противоречий и утверждения воли Петра II Негоша (которую поддержал Николай I) в Черногорию был отправлен Е.П. Ковалевский, «доверенное от правительства лицо» [4. С. 310]. Внутренние разногласия оказались не

¹ Интересно высказывание австрийского капитана Ф. Орешковича, сотрудника комиссии по австро-черногорскому разграничению, который отмечал в рапорте В.Ф. Лилиенбергу, что «черногорцы смотрят на любого офицера, который прибыл из России, как на апостола, и относятся ко всему, что он им не скажет, как к решению русского правительства» [4. С. 225].

настолько серьезными, «но извне, со стороны Турции, готовилась страшная гроза!» [7. С. 92]. Провозглашение Черногории княжеством встревожило турецкое правительство. До этой поры Турция могла считать Черногорию частью своих владений. Признание суверенитета страны Россией и Австрией ограничивало влияние Порты на Балканах. Ковалевский оказался в эпицентре черногорско-турецкой войны (1852–1853 гг.) и способствовал заключению мира с турецким правительством, присоединению Грахово к Черногории и освобождению ее от турок.

В ноябре 1853 г. Ковалевский снова был направлен в Черногорию.

Причина, по которой Ковалевский почти сразу после объявления Крымской войны оказался в Черногории, в литературе упоминается мало. Т.Г. Динесман в работе «Тютчев и Егор Петрович Ковалевский» говорит о секретном характере его миссии. Доказательством этому служат письма А.Д. Блудовой М.П. Погодину от 3 апреля 1854 г.: «В Черногорию для действия и на Боснию уже давно послали полковника Ковалевского, но ему всего на все для закупки хлеба (потому что там неурожай) и для покупки оружия <...> дали 10 тысяч рублей. Вы можете вообразить, много ли на это можно сделать, да еще два транспорта ружей австрийцы поймали и конфисковали!» [8. С. 355]. А незадолго до этого – 2 марта – она писала ему же: «Насчет Боснии. Там Ковалевский с несколько тысячей успел много сделать – он подготовил все» [8. С. 355]. Из вышеперечисленного следует, что «перед Ковалевским стояла задача подготовить все необходимое, чтобы в случае, если <...> вспыхнет восстание против турецкого владычества <...>, можно было бы поддержать это движение оружием и продовольствием» [8. С. 355].

Данное предположение не лишено оснований. В опубликованной переписке Ковалевского с Н.И. Любимовым (был в то время членом совета Министерства иностранных дел и директором азиатского департамента министерства) явственно прослеживается цель Ковалевского.

12-го (24-го) января 1854. Каттаро.

<...> Поправившись, я поеду в пограничные православные племена Албании [9. С. 666].

25-го января (6 февраля) 1854. Каттаро

Оно (письмо Н.И.) душевно меня обрадовало и оживило, и здесь **дух не хуже** (выделено автором). Только бы средства, да воля. Ожидание всех истомило.

24-го апреля (6-го мая) 1854 г. Цетинье.

Положение мое сделалось невыносимо: едва подымутся черnogорцы, меня вызывают <...> По своему обыкновению я отдал бы им себя безусловно и всего делу; но какая возможность действовать! Вы дайте инструкции начинать. Из Вены я получил, чтобы не двигался с места под ответственностью. <...> Черногорцы было пошли... (точки в подлиннике) но вам конечно все известно. Отправьте меня в армию, потому что сидеть в такую минуту я не могу [9. С. 669].

Через 6 лет после описываемых событий Ковалевский в «Путевых записках о славянских землях» расскажет о реальной обстановке в Черногории:

Вся Фессалия, часть Македонии, Боснии, Герцеговины, Албания взволновались. Народ глухо зашумел, как море перед бурей, и буря разразилась внезапно, когда менее всего ее ожидали, когда сам народ не был приготовлен к ней. Только тогда, когда надо было драться, увидели, что не было ни пороху, ни свинцу, и на первых порах дрались чем ни попало, повсюду одерживая верх над неприятелем, – так силен был порыв народа, такой панический страх объял турок [7. С. 147].

В письмах Ковалевского не названа прямо цель его присутствия в Черногории, но из намеков ясно, что он ждет приказа действовать и готов выполнить его любой ценой. Такой приказ поступил. Ковалевского отозвали в Вену.

9-го (21-го) июля 1854 г. Вена

Неужели вы думаете, легко мне было оставить дело, к которому так давно, так постоянно стремился и у цели которого находился? Неужели вы думаете, не болело мое сердце покинуть Черногорию на жертву австрийских интриг?

6-го сентября 1854 г. Кишинева

...Бездействие губит меня; <...>

Вам, вероятно, известно, что я имею агентов в Боснии, Герцеговине, Албании и Софийской Палестине, которые путями отдельными писали ко мне и в Вену. Письма их конечно я отдавал нашему посланнику, перед отъездом моим из Вены [9. С. 671].

Дело, к которому так давно стремился Е.П. Ковалевский, связано с освободительным движением славян на Балканах. Упоминание об агентурной сети свидетельствует о явном намерении Ковалевского. Он полагал, что черногорцы в соединении с другими славянскими народами смогут противостоять и Турции, и Австрии. Проницательный дипломат уже тогда понимал, какова истинная позиция Австрии по отношению к России.

<...> удержать Австрию от разрыва едва ли возможно, и в один прекрасный день, когда в Вене будет все покойно, Гесь пошлет сказать Горчакову (Дунайскому), чтобы он в 24 часа очистил Молдавию, неисполнение чего сочтет объявлением войны. Австрийское правительство на все способно и, может быть, уже бы это сделало, если бы твердо положило на свое разноплеменное войско [9. С. 669–670].

В «Путевых записках о славянских землях» Ковалевский напишет о союзе России с Австрией: «Это было в ту эпоху, когда отношения наши к Венскому двору дошли до крайних пределов дружбы, далее которых не могли идти; и потому, как неестественно, судорожно натянутые, должны были или мало-помалу ослабляться или внезапно и неожиданно оборваться в скором времени» [7. С. 128]. Причины, по которым Ковалевский был отозван из Черногории, связаны с надеждами Николая I в Крымской войне на поддержку императора Австрии. «Освободительное движение славянских народов против Турции, способствовать возникновению которого было задачей Ковалевского, могло спровоцировать аналогичное движение в славянских областях Австрийской империи, поэтому продолжать его миссию, как бы успешно она ни протекала, в этих условиях оказалось несвоевременным» [8. С. 355].

Впоследствии И.С. Аксаков напишет: «После целого ряда препятствий, вмешательств и обманов со стороны нашей же диплома-

тии, его вызвали обратно в самую критическую минуту, а вызвавши в Вену, не отпустили обратно. От этого нравственного удара, от этого разрушения надежд не только своих, но всех наших единоверцев <...> Егор Петрович не мог оправиться до конца жизни» [8. С. 355]. Эта же мысль и в словах Ф.И. Тютчева в письме к И.С. Аксакову: «Много любопытно-поучительного можно было бы рассказать о той поистине трагической роли, навязанной ему в последнюю Восточную войну нашею беспутно-бестолковою политикою» [10. С. 342].

Деятельность Ковалевского в Черногории была высока оценена в МИДе России и правительствами Черногории и Австрии. Ковалевский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за командировку в Черногорию в 1838 г., орденом Железной короны 2-й степени за успешные дипломатические переговоры русско-австрийской делегации с турецкой стороной в 1853 г., крестом и золотой медалью, пожалованными правительством Черногории в 1856 г.

Но главным результатом пребывания на Балканах стало литературное творчество Е.П. Ковалевского. Очерки «Четыре месяца в Черногории» (1841), снискавшие ему славу «Колумба Черногории», откроют читателям Ковалевского-писателя. «Интерес к образу жизни, социально-историческому устройству “братьев-славян”» [11. С. 8] отразится в 3-й и 4-й частях «Странствователя по суше и морям»: «Карпаты» (1845), «Нижний Дунай и Балканы» (1849). «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события» (1854), «Путевые записки о славянских землях» (1859 г.), «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами» (1864 г.) – все эти произведения интересны не только с точки зрения славянского вопроса и его влияния на общественно-политическую мысль в России, но и с художественной точки зрения.

Главная проблема, которую поднимает Ковалевский в своих произведениях, это проблема народа. Национальная самобытность черногорцев проявляется в их борьбе за независимость против турецкого ига. Отстаивая свое право на православную веру, они героически сражаются со всеми, кто покушается на их свободу. «Четыре месяца в Черногории» – первое в цикле о славянских землях произведение, которое поднимает эти вопросы.

Народ здесь беден. С трудом выпрашивает он насущное пропитание у клочка земли, доставшегося ему по наследству или по праву войны, и эту землю он не имеет ни охоты, ни досуга обрабатывать с должным рачением. «Ни даже досуга?» – скажете вы, но что ж он делает?

Что делает! Бог ему судья! Впрочем, его нельзя винить в лени. Здесь человек стоит неусыпно на страже своей свободы; пограничный нередко и ночью не покидает своего оружия, а проснувшись каждый прежде всего берется за ружье, которое он начинает носить с 11 или 12-летнего возраста; ружье с бороной не свояки: что первое посеет, того не возрастит и время [7. С. 38].

Через все произведение проходят эпизоды исторического противостояния Турции и Черногории – христиан и мусульман.

Церкви большей частью без священнослужителей и без церковных утварей; впрочем, в них иногда совершается литургия, и как торжественна, как поражающа она здесь, в устах священника, едва оставившего свою соху, которой он в поте лица снискивает хлеб, или оружие, которым защищает права и свободу вверенного ему племени (священник здесь и воевода и сердарь); как, говорю, торжественна эта обедня перед одинокой иконой Спасителя, в маленькой, нередко развалившейся церкви, сквозь стены которой видна и эта дикая, величественная природа и часто турецкая крепость, ежеминутно грозящая направить свои пушчонки туда, где толпа людей гуще [7. С. 38].

Описывая черногорские города и села, монастыри, Ковалевский вызывает сочувствие к православным, вынужденным не расставаться с оружием, чтобы защитить свою веру и свободу: «Христиане и славяне – они крепко держатся Черногории, и, конечно, не отстанут от ее союза и свободы, каких бы это пожертвований им не стоило» [7. С. 40].

Пример многолетнего противостояния – «Грахово, прославившееся тем, что в последние пять лет оно несколько раз переходило из рук турок в руки черногорцев и обратно, и что граховяне, в это время, не собрали ни одной жатвы» [7. С. 40].

Создавая коллективный портрет черногорцев, сражающихся за независимость, Ковалевский отмечает их индивидуальность. В галерее образов, представленных читателю, немало священников.

Черногорские священники такие же воины, как и все мужчины. Поэтому не вызывает удивления такая картина: «У самых монастырских ворот мы встретились с человеком, покрытым кровью и потом, с отрубленной человеческою головою у седла. Одна борода отличала его от других черногорцев. Он лихо соскочил с коня (в Мораче можно встретить лошадь), радушно приветствовал нас, и, радуясь искренно неожиданным гостям, приглашал нас в монастырь... это был отец Игумен» [7. С. 62].

Или рассказ о «добром побратиме, попе Иване», судьбе всех его близких, отдавших жизнь за Черногорию – брат, сын, три племянника. Только безымянные камни будут хранить память о них. «Мы взошли на один из холмов, которых насыпь принадлежала незапамятному народу и времени: “Этот камень положен в память воеводе Виду, посеченному турками”, – сказал мне переник, указывая на вершину холма, где возвышался камень без надписи и креста: его хранит народная память и молитва одноплеменника. Может быть, по форме этого камня, его ветхости и наконец по системе вероятностей, позднейший археолог прочтет на нем тайну холма» [7. С. 41].

Не отрицая диких нравов черногорцев и их отсталость, Ковалевский не скрывает своих чувств к свободолюбивому народу, хотя европейца не могут не поразить факты, приводимые очевидцем событий – «1 700 турецких голов... и много голов отрубленных... выставленных напоказ; украшающих монастырские стены... в глазах морачан они были милее нити бурмицкого жемчуга» [7. С. 62].

Вы смеетесь моей связи с попом Иваном, человеком без всякого образования, которого страсти ограничиваются одною войною, а желания – чаркой ракии, которого честолбие измеряется числом отрезанных голов. Движения сердца непояснимы: Князь поп Иван Княжевич заставил себя любить, – этого достаточно! [7. С. 57].

Оправдывая борьбу черногорцев за свою независимость от турок и австрийцев, Ковалевский проводит параллель с недавними собы-

тиями российской истории, подчеркивая мысль о единстве священников с народом:

Так древле пастыри духовные водили на битву войска для защиты прав и свободы народной; так было и у нас, в незабвенном 1812 году: кто шел тогда, с крестом в руке, перед толпою народного ополчения? Силен Бог Славен! Силен народ его, силен беспредельной преданностью вере, силен духом и крепостью, силен силою того, кто для него солнце на небе, краса и гордость на земле, кто для него второе провидение! [7.С. 63].

В книге Ковалевского тесно переплетается история и современность: «Что за народ!.. Его история – гомеровская поэма!» [7. С. 61].

Например, судьба девяностолетнего старика Радована, который является свидетелем «живой истории последнего пятидесятилетия этого края». Присягнув самозванцу «Стефану Малому, объявившему себя Российским Императором, Петром III», участвовал в экспедиции князя Долгорукова, «который, явившись в Черногорию с 20 человеками, большей частью иллирийских славян, именем Императрицы, Екатерины II, требовал от черногорцев Лже-Петра и, с горстью людей, грозил им мстью из Цетинского монастыря». И хотя отец Радована, еще помнивший Петра I, остался верен присяге, данной самозванцу, проявил гостеприимство и оказал помощь Долгорукому: «Никто не скажет, чтобы христианин выдал своих единоверцев туркам или венецианам, а в случае нужды сумею защитить вас и от своих, – сказал он, сурово поглядывая на русского князя» [7. С. 30–31].

Защита своей земли и православных святынь отражается в реальных событиях, уже обрастающих легендами. «Мсть турок разразилась вполне и в несколько приемов над морачским монастырем; всякий раз своего разрушительного набега, они силились срыть церковь, и всякий раз, объятые ужасом, гонимые незримой силою, удалялись; так, покинутая всеми святыня, как бы в укор христианам, спасала сама себя. – Предание ознаменовало легендою один утес, почти отвесный и высокий, откуда во время оно, пораженные чудом, один за одним низверглись 10 000 турок и нашли верную смерть в быстринах Морачи. Утес этот называется «святым». И Ковалевский, и черногорцы гордятся, что нога победоносного мусульманина не коснулась святыни» [7. С. 39].

Описание сражения Мустафы Алиева и Саввы Петровича – это битва двух богатырей. «Голиаф Албании, его огромный рост, зверская наружность и отчаянная храбрость наводили невольный ужас на тех, кто встречался с ним в битве; прибавьте к этому, что он уже досчитывал девятый десяток отрезанных им христианских голов, и вы можете вообразить изумление, если не ужас Саввы, так внезапно очутившегося перед ним. Турецкий Голиаф спешил воспользоваться минутой самозабвения своего врага, которого он знал, следовательно, не мог презирать; он схватил его за грудь и, подняв высоко на воздух, хотел ринуть о камень, <...>, как вдруг нога его, упиравшаяся о камень, облитый кровью, скользнула: ага повалился, выпустив из рук жертву» [7. С. 46–47]. Эту победу черногорцы объясняют волей всевышнего: «видно святопочившему Василию угодно было показать чудо» [7. С. 46].

В повествовании Ковалевского, проникнутом как реалистически-ми подробностями описания быта и нравов черногорцев в духе «натуральной школы», так и романтическим восприятием их образа жизни, читатель знакомится с обычаями азиатского¹ племени.

С каждым днем убеждаюсь более и более в том, что ограждает, и надолго оградит, свободу черногорцев? Это их горы, неприступные для европейцев, это их нравы, дикие для так называемого образованного человека, это их **обычай**, заменяющие законы, и гораздо сильнее законов письменных [7. С. 20].

Описывая обряд оплакивания женщинами своих убитых мужей («женщина, в истерзанной одежде, с обнаженной головой, с которой ниспадали в беспорядке волосы и с лицом исцарапанным, покрытым язвами, окровавленным <...> сильной речью возбуждала народное мщение»), Ковалевский отмечает общее у славянских народов: «Этот обряд сохранился в некоторой степени у нас, в Малороссии; он разительно поясняет столь частые и поэтические сравнения женщины, оплакивающей потерю мужа с “кукующей зузулей”». Это же касается и мужчин, которых «лица так же были покрыты кровью; они возвращались с поминок, где плач и царапанье своего лица со-

¹ Ковалевский следует классификации схем ориентализма, которая относит черногорцев к народам Азии [12].

ставляют необходимый обряд, заключаемый, как у нас, трапезой и попойкой» [7. С. 21].

Несмотря на национальные различия, славянские племена объединяют исторические корни, которые проявляются в традициях и обрядах. Например, свадьба. «Обряды и пиршества, сопровождающие свадьбу, во всех славянских племенах похожи между собою, и различествуют только в частностях» [7. С. 27].

История страны – это и ее фольклор, который бережно хранит народ.

Черногорские песни состоят большею частью из повествований исторических событий; – <...> История здешнего края начертана в песнях, сохранена в земле и на земле. Много веков, много народов протекло над развалинами, покрывающими этот край; многие воздвигли их из праха, но еще чаще низвергали в прах; каждый век наложил на них печать свою, и каждый народ свою руку [7. С. 42].

Ковалевский вызывает интерес к стране, которая напоминает ему и о России. Общее подчеркивается не только через историю (война 1812 г.), обычаи, но и через природу.

Какой прекрасный край! Картина совершенно в новом роде: узор ярок и пестр, он напомнил мне живо тот, по которому расположены татарские улусы на Алтае; те же шалаши, толпа полунагих ребятишек, толпа женщин, тьма собак той же самой породы, как у татар, и этот шум, и эти огоньки, мелькающие далеко за полночь, стада овец, звон колокольчиков: все на прекрасной горной долине, местами еще покрытой снегом, окружено трущобой, прикрыто облачным небом, наконец, эта прохлада днем и холод ночью, все живо, с малейшими подробностями и оттенками напомнило мне тот самый улус, который был некогда моим жилищем. Как здесь хорошо! [7. С. 57].

В описании Ковалевского проявились тенденции эпического повествования в духе «натуральной школы», облеченные в формы романтического восприятия, что проявляется в открытой авторской позиции по отношению к черногорцам и Черногории. «Четыре месяца

в Черногории» – поистине лиро-эпическое произведение в традициях Н.В. Гоголя (как пишет М.В. Белов, влияние на «литературную технику... Ковалевского оказала поэтика раннего Гоголя, его “малороссийские повести” и в особенности “Тарас Бульба”») [13. С. 170].

Покидая Черногорию, Ковалевский испытывает очень теплые чувства, которые не могут не передаться читателям. «Долго, долго глядел я на горы ненаглядные, <...> которые скрывали от меня, может быть навсегда, столько близкого, столько родного моему сердцу. <...>. Прости, Черногория! Прости, моя милая. Бог даст, увидимся!» [7. С. 71].

Книга Ковалевского «Четыре месяца в Черногории» усилила интерес к славянскому вопросу. Как утверждает М.В. Белов, «после появления книги начинается паломничество в Черногорию и Адриатическое приморье “молодых славянофилов”». В год выхода книги страну посетили представители первого поколения университетских славистов (И.И. Срезневский и П.И. Прейс), а также зачинатель этнографических исследований в России Н.И. Надеждин» [13. С. 165–176].

Произведения Е.П. Ковалевского оказали серьезное влияние на отношение к славянам в России. В первую очередь Ковалевский дал точные исторические сведения о черногорско-турецких отношениях и роли Австрии в этом конфликте («Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события» 1854 г., «Путешествие в славянские земли» 1859 г.). Описание Ковалевского настолько точно, что современные историки, занимающиеся российско-черногорскими отношениями, цитируют его художественные тексты в научных изданиях.

Описывая героическое сражение черногорцев с мусульманами в период Черногорско-турецкой войны 1853 г., Ковалевский рассматривает эту войну как захватническую, нарушающую права славян (например, особо циничное нападение на город Жебляк в святой день для христиан).

Известная жестокость турок, о которой Ковалевский поведал читателям, не могла не вызвать ненависти к туркам и сочувствия к славянскому народу (история Княжича, воеводы Якова, пленных).

Произведения Ковалевского оказали прямое и опосредованное влияние и на русских писателей. Его отношение к народу, проблема героизма, описание подвигов черногорцев в борьбе за независимость давали

проекцию на Крымскую войну и события в Севастополе. Не случайно, что «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого имеют точки пересечения с произведениями Ковалевского. В дневниках Толстого есть упоминание о чтении книги Ковалевского о Черногории, Ковалевскому Толстой читал отрывки из «Севастопольских рассказов».

Очевидные параллели прослеживаются и в творчестве И.С. Тургенева. Ковалевский завершает «Путевые записки о славянских землях» событиями, разгоравшимися на Балканах. Тургенев использует некоторые факты в романе «Накануне».

Е.П. Ковалевский

Война гремела на Дунае. Европа шла против нас: Австрия вооружалась. <...> Западная часть Турции от княжества Сербского до королевства Греческого подымалась из-под тяжкого гнета. («Путевые записки о славянских землях») [7. С. 147].

Узнавши, что в Жабляке расстреляли весь свинец и что черногорцы распилили одно орудие, чтобы металлом его заряжать другие, пастровичане, по занятию рыболовы как все жители прибрежья, сняли весь свинец, которым обыкновенно оторачивают сети, и отнесли его на подмогу в Жабляк. («Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события») [7. С. 95].

И.С. Тургенев «Накануне»

Война уже кипела на Дунае; Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию [14. С. 284].

Слышала ты, Елена, <...> говорят, бедные далматские рыбаки пожертвовали своими свинчатками, – ты знаешь, этими тяжестями, от которых невода на дно опускаются, – на пули! Денег у них не было, они только и живут что рыбною ловлей; но они с радостью отдали свое последнее достояние и голодают теперь. Что за народ! [14. С. 284].

Подобные цитаты не являются плагиатом, так как дружба Ковалевского с Тургеневым подтверждает намеренное использование данных примеров. Об этом пишет и сам Ковалевский:

В редкие минуты, когда душа просится наружу, случалось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события этой вой-

ны. Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, – тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы, полные простоты и всеокрушающей силы духа, и потребуют отчета у людей, принесших их в жертву каких-то мнимых политических расчетов [7. С. 148].

Б.А. Вальская подтверждает, что Тургенев вдохновлялся статьями Ковалевского, «создавая роман “Накануне” и размышляя о потенциальных силах славянских народов, стремившихся к своему освобождению» [15. С. 238].

Принципиальная позиция Е.П. Ковалевского в решении славянского вопроса сблизила его с прогрессивно настроенными кругами общества. Назначение директором Азиатского департамента позволило последовательно проводить политику, соответствующую интересам славянского мира. По свидетельству И.С. Аксакова, он «полностью отдался всею душою славянскому и вообще христианскому делу на Востоке, – в полном убеждении разума, что это дело неразрывно соединено с существованием и историческим призванием России» [16. С. 4]. Этой цели должна была послужить газета «Парус», которую Ковалевский предложил издавать И.С. Аксакову, редактору славянофильского журнала «Русская беседа». Газета заявляла, что поддерживает идею единения славянских народов Юго-Восточной Европы – идею, на которой, по мысли Ковалевского, должна строиться «целая система» российской внешней политики [16. С. 4]. Ковалевский рассчитывал сделать новую газету «посредницей между русскою публикою и славянскими землями» [17. С. 428], считая такое посредничество важным звеном своей «системы».

Идею провиденциального назначения России в славянском мире разделял с Ковалевским и Ф.И. Тютчев. Знакомство двух писателей, их переписка, обсуждение важных политических вопросов продолжалось до конца жизни Ковалевского. Тютчев посвятил Е.П. Ковалевскому стихотворение, отдавая дань не только его человеческим качествам («Он на Руси был редкий человек»), но и подчеркивая его миссию как верного друга и защитника славянских народов.

И не Руси одной по нем сгрустнется –
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотраднo лeтся,
Почтут его признательной слезой.

22 сентября 1868 г. [18. С. 211].

Список источников

1. Вальская Б. Путешествия Е.П. Ковалевского. М. : Географгиз, 1956. 200 с.
2. Виленкин В.Л. Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М. : Мысль, 1969. 9 с.
3. Фарафонова О.А. «Странствователь по суше и морям» Е.П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 10–24.
4. Анишаков Ю.П. Становление черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 1998. 388 с.
5. Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 752 с.
6. Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30–50-е гг. XIX века // Портреты российских дипломатов. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. С. 115–136.
7. Ковалевский Е.П. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5: Черногория и славянские земли. Четыре месяца в Черногории. М. : Приятная компания, 2018. 184 с.
8. Динесман Т.Г. Тютчев и Егор Петрович Ковалевский (Неизданные письма Тютчева Ковалевскому) // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50, № 4. С. 353–369.
9. Письма Е.П. Ковалевского Ник. Ив. Любимову // Русская старина. 1902. Т. 109. С. 665–671.
10. Литературное наследство. М. : Наука, 1988. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. С. 342
11. Проценко Е.Г. Литература «Путешествий» в России в 1840–1850-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 221 с.
12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.
13. Белов М.В. Петр II Негош и черногорцы в русской путевой прозе 1830–1840 гг. // Петар II Петрович Негош – митрополит, реформатор, поэт: 200 лет со дня рождения. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 165–176.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 6. 495 с.

15. Вальская Б.А. «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е.П. Ковалевского // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л. : Наука, 1969. С. 235–238.

16. Аксаков И.С. Некоторые данные для биографии Егора Петровича Ковалевского // Москва. 1868. № 151. 15 октября. С. 3–4.

17. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Кн. 16. 602 с.

18. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений : в 2 т. М. : ТЕРРА, 1994. Т. 2. 512 с.

References

1. Val'skaya, B. (1956) *Puteshestviya E.P. Kovalevskogo* [Travels of E.P. Kovalevsky]. Moscow: Geografiz.

2. Vilenkin, V.L. (1969) *Stranstvovatel' po sushe i moryam (Egor Petrovich Kovalevskiy)* [The Wanderer by Land and Sea (Egor Petrovich Kovalevsky)]. Moscow: Mysl'.

3. Farafonova, O.A. (2018) “Stranstvovatel' po sushe i moryam” E.P. Kovalevskogo: avtor i chitatel' v prostranstve traveloga [The Wanderer by Land and Sea by E. P. Kovalevsky: author and reader in the space of a travelogue]. *Kritika i semiotika*. 2. pp. 10–24. (In Russian). DOI: 10.25205/2307-1737-2018-2-10-24

4. Anshakov, Yu.P. (1998) *Stanovlenie chernogorskogo gosudarstva i Rossiya (1798–1856 gg.)* [The Montenegro state formation and Russia (1798–1856)]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

5. Anisimov, M.Yu. et al. (2013) *Petr II Petrovich Negosh i Rossiya (Russko-chernogorskie otnosheniya v 1830–1850-e gg.)*. *Dokumenty* [Petar II Petrović-Njegoš and Russia (Russian-Montenegrin relations in the 1830s–1850s). Documents]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i nauke.

6. Khitrova, N.I. (1991) *Diplomaticheskaya deyatel'nost' E.P. Kovalevskogo v 30–50-gg. XIX veka* [Diplomatic activities of E.P. Kovalevsky in the 1830s–1850s]. In: Ignat'ev, A.V. (ed.) *Portrety rossiyskikh diplomatov* [Portraits of Russian diplomats]. Moscow: Institute of History of the USSR of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 115–136.

7. Kovalevskiy, E.P. (2017) *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 5. Moscow: Priyatnaya kompaniya.

8. Dinesman, T.G. (1991) Tyutchev i Egor Petrovich Kovalevskiy. (Neizdannyye pis'ma Tyutcheva Kovalevskomu) [Tyutchev and Yegor Petrovich Kovalevsky. (Unpublished letters of Tyutchev to Kovalevsky)]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 50 (4). pp. 353–369.

9. *Russkaya starina*. (1902) Pis'ma E.P. Kovalevskogo Nik.Iv. Lyubimovu [Letters from E.P. Kovalevsky to Nik.Iv. Lyubimov]. 109. pp. 665–671.

10. Shcherbina, V.R. (ed.) (1988) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 97. Book 1. Moscow: Nauka. p. 342.

11. Protsenko, E.G. (1984) *Literatura "Puteshestviy" v Rossii v 1840–1850-e gg.* [Literature of Travels in Russia in the 1840s–1850s]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
12. Said, E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Western Conceptions of the Orient]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy mir.
13. Belov, M.V. (2013) Petr II Negosh i chernogortsy v russkoy putevoy proze 1830–1840 gg. [Petar II Petrović-Njegoš and the Montenegrins in Russian Travel Prose of the 1830s–1840s]. In: *Petar II Petrovich Negosh – mitropolit, reformator, poet: 200 let so dnya rozhdeniya* [Petar II Petrović-Njegoš – metropolitan, reformer, poet: 200 years of the birth]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
14. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: In 30 volumes]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
15. Val'skaya, B.A. (1969) "Nakanune" i "Putevye zapiski o slavyanskikh zemlyakh" E.P. Kovalevskogo ["On the Eve" and "Travel Notes on the Slavic Lands" by E.P. Kovalevsky]. In: Alekseev, M.P. & Izmaylov, N.V. (eds) *Turgenevskiy sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev collection. Materials for the complete collection of works and letters of I.S. Turgenev]. Leningrad: Nauka. pp. 235–238.
16. Aksakov, I.S. (1868) Nekotorye dannye dlya biografii Egora Petrovicha Kovalevskogo [Some data for the biography of Egor Petrovich Kovalevsky]. *Moskva*. 151. 15 October. pp. 3–4.
17. Barsukov, N.P. (1902) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Life and works of M.P. Pogodin]. Book 16. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
18. Tyutchev, F.I. (1994) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy: V 2 t.* [Complete collection of poems: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: TERRA.

Информация об авторе:

Александрова Е.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Aleksandrova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.03.2022.

The article was accepted for publication 02.03.2022.